

1995, выборы в Государственную Думу, Чертановский одномандатный округ

Формирование избирательных комиссий

Как и в случае городской комиссии, половина состава окружных комиссий по выборам депутатов Государственной Думы (7 человек) формировалась городской Думой, а другая половина — Мэром Москвы. Понятно, что кандидатуры, которые должен был назначить Мэр, готовились префектурами. Но, как выяснилось, префектуры готовили кандидатуры и для той половины, которая назначается городской Думой.

Впрочем, Дума не обязательно шла на поводу у префектур. Так, в состав окружной комиссии Чертановского округа №204 Дума включила четырех человек, не предусмотренных префектурой, которые были выдвинуты ДВР, а также партией и движением «Демократическая Россия»: А. Ю. Бузина, В. Н. Завьялкину, А. Н. Касаткина и автора этой книги.

Четверо членов комиссии Чертановского округа (Ю. А. Змиевский, А. Е. Любарев, Р. Н. Стугирева и Э. Ф. Цветкова) работали ранее в Советской районной избирательной комиссии (из них трое, кроме Любарева, работали также в 1993 г. в комиссии Варшавского округа №192). Еще четверо (Бужин, Касаткин, Н. И. Кузнецов и М. Е. Суханов) были депутатами Советского райсовета. Среди членов комиссии были также Т. Е. Цуканова (сотрудник префектуры ЮАО) и А. С. Петухова (работавшая в 1993 г. секретарем комиссии Нагатинского округа №196). Председателем комиссии был избран Суханов, заместителем председателя — Цветкова, секретарем — Н. В. Петрова.

По закону территориальные комиссии должны были формироваться выборным органом местного самоуправления, а при его отсутствии — окружной избирательной комиссией. В Москве в это время не было выборных органов районного уровня, поэтому формировать территориальные комиссии пришлось окружным. Предвидя, что число кандидатов может оказаться большим, чем число мест в комиссиях, я заранее на заседании окружной комиссии предложил определить процедуру отбора кандидатов, но не был поддержан большинством коллег.

Как я и предвидел, на следующем заседании окружной комиссии, на котором должен был решаться вопрос о составе территориальных, возникли бурные дебаты. Представители районных Управ привезли протоколы выдвижений на нужное количество человек. Помимо этих, непосредственно в окружную комиссию поступили протоколы от «Демократической России» и ДВР. Ряд членов окружной комиссии откровенно говорили, что кандидатуры в состав территориальных комиссий должны подбирать супрефекты: с них, мол, потом можно будет спросить за срыв выборов, а какой спрос с членов избирательной комиссии?! Когда же ставился вопрос о том, что избирательные комиссии не должны быть зависимы от органов власти, то разговор поворачивался в другую сторону: районные Управы не подбирали кандидатов, а просто собирали протоколы, чтобы все вместе отвезти в окружную комиссию.

В результате под нашим давлением представители половины районных Управ согласились ввести в территориальные комиссии по одному представителю ДВР или «Демократической России». По другим районам окружная комиссия утвердила тот список, который предложили Управы.

Регистрация кандидатов

Избирательная комиссия Чертановского округа получила уведомления о выдвижении от трех десятков кандидатов. Однако подписные листы сдали лишь 14 из них.

У большинства кандидатов, представивших подписные листы, проблем с регистрацией не возникло. Разумеется, у всех какая-то часть подписей была «забракована», но оставшихся подписей им хватило, чтобы быть зарегистрированными. К подписным листам кандидата М. П. Карпенко, выдвинутого движением «Образование — будущее России», возникли претензии, поскольку они содержали избыточную информацию по сравнению с формой, приведенной в законе; тем не менее большинство членов комиссии признало эти листы изготовленными по форме.

Лишь у двух кандидатов в подписных листах была обнаружена «липа».

Первым подписные листы сдал председатель Центрального совета НПФ «Память» Д. Д. Васильев. Его листы проверялись особенно тщательно как из-за того, что он был первым, так и из-за его особой репутации. Была проведена выборочная проверка, и несколько избирателей, чьи данные стояли в подписных листах, заявили, что за Васильева не подписывались.

Тогдашнее законодательство не давало подробных указаний, как быть в таких случаях. Окружная комиссия руководствовалась Разъяснениями «О порядке работы избирательных комиссий с документами, представля-

емыми избирательными объединениями, избирательными блоками, кандидатами в депутаты для регистрации федеральных списков кандидатов, кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», утвержденных Центризбиркомом 3 октября 1995 г. В этих Разъяснениях было сказано, что «в случае сомнений в... достоверности подписей избирателей избирательная комиссия вправе... принять решение о направлении папок с подписными листами, вызывающими сомнения в достоверности данных, в органы дознания и следствия. В этом случае все направленные в эти органы подписные листы с подписями избирателей не учитываются при установлении избирательной комиссией количества подписей избирателей, собранных в поддержку... кандидата в депутаты».

Руководствуясь этими Разъяснениями, окружная комиссия приняла решение направить все подписные листы, собранные сборщиком, у которого была обнаружена «липа», в прокуратуру. Прокуратура довольно не скоро, но все же возбудила уголовное дело. Суд же над сборщиком состоялся уже после выборов.

Оставшихся подписей Васильеву не хватило для регистрации, и ему было отказано. Однако время у кандидата еще было, и он продолжил сбор подписей. В окружную комиссию было представлено дополнительное количество подписных листов. Вновь проверялись подписи. В этот раз явной «липы» обнаружено не было, но вызвали сомнения несколько листов, где дата внесения подписи была проставлена другими чернилами. В 1999 г. эти подписи без сомнений были бы «забракованы». А тогда после длительного обсуждения они были признаны действительными, после чего подписей оказалось достаточно для регистрации. Чем мы руководствовались? Могу сказать о себе: в первую очередь я исходил из того, что у нас не было оснований утверждать, что данные подписи не были проставлены избирателями или были проставлены в другой день; сомнения — это всего лишь сомнения, они не были ничем подтверждены. Но было на втором плане еще одно соображение: я считал, что будет полезно, если все (включая и самого Васильева) увидят, что лидер «Памяти» не пользуется поддержкой избирателей. А для этого нужно было дать ему возможность баллотироваться.

Другая история произошла с подписными листами кандидата от ЛДПР, эксперта Государственной Думы Л. А. Игошева. При проверке этих подписных листов первоначально мы обратили внимание на одно странное обстоятельство: на одном листе вначале идут 2–3 подписи жильцов одного дома, затем 2–3 подписи жильцов другого дома, затем опять подписи жильцов первого дома, а потом вновь подписи жильцов второго дома. Когда мы просмотрели все листы, то обнаружили, что листов, заполненных таким образом, ни много ни мало 147 (из 582). В большинстве случаев каждый лист заполнялся в течение одного дня. Более тщательный анализ показал, что большая часть избирателей, попавших в подписные листы, прожива-

ет всего в 11 домах. Например, нам удалось обнаружить 419 подписей жителей одного дома, распределенных по 60 листам. Результаты выборов 1991 и 1993 годов не позволяли делать предположения об особой популярности ЛДПР среди жителей именно этих домов.

В разных листах (в том числе заверенных разными сборщиками) были обнаружены строки, заполненные, по-видимому, одним и тем же почерком. Чаще всего один почерк соответствовал данным из одного дома. В ряде случаев возникало впечатление, что лица, заполнявшие листы, пытались разнообразить почерк.

Окружная комиссия в первую очередь решила заслушать на своем заседании объяснения представителей кандидата. Им был задан вопрос: какова была технология сбора подписей. Они дали две с виду правдоподобные версии. Первая версия — подписи собирались на встрече с лидерами ЛДПР в Сокольниках. Но, во-первых, даты таких встреч не совпадали с датами сбора подписей, во-вторых, версия не объясняет, почему в подписные листы попали только жители определенных домов. Вторая версия — подписи собирались во дворе. Но дома, жители которых перемежались в подписных листах, не выходят в один двор, в ряде случаев они вообще довольно далеко расположены друг от друга.

Когда представители ЛДПР поняли, что их версии не принимаются, они заявили, что закон не запрещает никакие технологии сбора подписей, их технология — это их внутреннее дело, и они не обязаны нам ее рассказывать.

Единственное разумное объяснение, которое дали этому феномену члены окружной комиссии, состояло в том, что несколько человек просто вписывали по очереди в подписные листы данные об избирателях, каждый из своего списка.

Следует отметить, что в подписных листах Игошева было обнаружено также 504 подписи лиц, не проживавших на территории Чертановского округа. В основном это жители той части Перекопской и Херсонской улиц, которые относятся к району Черемушки, не входившему в состав Чертановского округа. Эти подписи, разумеется, были исключены. Но сам факт большого количества таких подписей можно было считать косвенным подтверждением предположения о фальсификации: граница округа проходила по Севастопольскому проспекту, и на местности легко было заметить, что дома, фигурировавшие в подписных листах, расположены по другую сторону проспекта.

Наконец, выборочная проверка, проведенная членами комиссии, дала прямые подтверждения сделанному предположению: большинство опрошенных избирателей категорически заявили, что не ставили подписи в поддержку Игошева.

В результате окружная комиссия приняла решение отказать Игошеву в регистрации и направить подписные листы, вызывающие сомнения, в прокуратуру. Следует сказать, что член комиссии Т. Е. Цуканова довела

до нашего сведения, что в префектуре это решение считают неразумным. Но прямого давления не было, а комиссия была достаточно независима, чтобы не прислушиваться к таким советам.

Подписные листы были переданы в прокуратуру. О решении прокуратуры мы так ничего и не узнали.

Игошев обратился с жалобой в Центризбирком. Объясняться с вышестоящей инстанцией довелось автору этой книги. Сотрудников Центризбиркома удовлетворили мои объяснения, и дело было закрыто. Кстати, в Центризбиркоме я встретил председателя окружной комиссии Кунцевского округа №193 и узнал, что они тоже отказали в регистрации кандидату от ЛДПР, обнаружив в его подписных листах «липу».

Сводный информационный плакат

На всех выборах избирательные комиссии, регистрирующие кандидатов, издают сводный плакат, содержащий информацию обо всех кандидатах. Законодательно этот вопрос практически никак не регламентирован (лишь в Закон города Москвы «О выборах депутатов Московской городской Думы, Мэра и Вице-мэра Москвы и советников районного Собрания в городе Москве» в 1999 г. удалось внести некоторые нормы, посвященные сводному плакату). Избирательным комиссиям приходится действовать в меру их собственного понимания вопроса.

Окружная комиссия по выборам депутата Государственной Думы по Чертановскому округу №204 предоставила кандидатам возможность написать о себе — биографические сведения и основные положения предвыборной программы. Всего было зарегистрировано 13 кандидатов, но один практически сразу снял свою кандидатуру. Всем 12 кандидатам был предоставлен равный объем печатной площади.

После того, как кандидаты представили свои тексты, оказалось, что не все из них уложились в выделенный им объем. Кроме того, разные кандидаты написали в разных стилях, у многих присутствовали фразы, носившие агитационный или субъективный характер. За корректировку текстов взялась член окружной комиссии сотрудник префектуры ЮАО Т. Е. Цуконова вместе с другими работниками префектуры. Результатом их работы стали тексты, которые не устроили ни кандидатов, ни других членов окружной комиссии. Наиболее характерный пример корректировки, искажившей первоначальный смысл: в биографии бывшего ответственного секретаря Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР О. Г. Румянцева вместо «один из авторов проекта Конституции России» было записано «один из авторов Конституции России», то есть получилось, что

Румянцев — автор действующей Конституции, против которой он вел непримиримую борьбу.

На заседании окружной комиссии 23 ноября из членов комиссии была создана рабочая группа во главе с председателем комиссии М. Е. Сухановым для доработки текста сводного информационного плаката. Группе удалось согласовать тексты со всеми кандидатами. Это было не просто. Например, Румянцев категорически не желал отказываться от фразы, содержащей резкий выпад в адрес Ельцина и Конституции. Его доверенное лицо конфиденциально объяснило такое упрямство так: «Понимаешь, 90% избирателей ненавидят Ельцина. Как же это не использовать?» (через полгода стало ясно, насколько он был не прав). В конце концов был достигнут компромисс: выпад против Ельцина («Вместе с Ельциным должно уйти беззаконие»), не имеющий отношения к программе кандидата в депутаты Государственной Думы, остался, а по поводу Конституции была записана корректная фраза: «Созвать Конституционное собрание для пересмотра Конституции».

Материал был организован следующим образом. Под фамилией, именем и отчеством кандидата шел курсивный текст, идентичный тексту в избирательном бюллетене. Ниже в рамках — текст, представленный кандидатом (из него были удалены фразы, дублирующие текст из бюллетеня). Внизу плаката крупно шла фраза: «Информация, помещенная в рамках, представлена кандидатами в депутаты». Под этой фразой — подпись: «Окружная избирательная комиссия по Чертановскому избирательному округу №204». От фотографий кандидатов решили отказаться.

Некоторые члены окружной комиссии (включая Суханова) выражали недовольство рядом пассажей. Так, в биографии лидера «Памяти» Д. Д. Васильева была написано: «Свое мировоззрение основывает на трудах великих идееносцев нации Ф. М. Достоевского, П. А. Столыпина, К. П. Победоносцева, И. А. Ильина», а в его программе — обещание в несколько раз поднять пенсии и зарплаты. В биографии С. А. Ковалева одному из членов комиссии не понравилась фраза «соратник А. Д. Сахарова». В программе председателя МЖК «Бутово» Н. А. Пилипешина было записано: «Программа Пилипешина — это не только тезисы и подготовленные законопроекты, но и реальные дела». У В. А. Ребрикова, баллотировавшегося как независимый кандидат, была фраза: «Ребриков вместе с Глазевым С. Ю. входит в избирательное объединение „Конгресс Русских Общин“». В программе Румянцева недовольство вызывал цитированный выше пассаж про Ельцина. Тем не менее окружная комиссия большинством голосов утвердила текст плаката.

Когда плакаты были получены из типографии, оказалось, что в них по самоволию сотрудников префектуры изменена подпись внизу. Вместо фраз, определяющих, кто несет ответственность за опубликованные тексты, появилась бессмысленная в данном плакате фраза о том, что окружная избирательная комиссия зарегистрировала кандидатами в депутаты Госу-

дарственной Думы таких-то (шло перечисление 12 фамилий) и включила их в избирательный бюллетень.

Пришлось делать в типографии новый тираж с правильной подписью. Член окружной комиссии А. Ю. Бузин пытался добиться, чтобы плакаты были как можно более широко распространены на территории округа, однако комиссия и большинство ее членов не оказали в этом направлении никакого содействия. Бузину пришлось самому расклеивать плакаты. Некоторую помощь оказал также избирательный штаб Ковалева. Бузин обращался и к руководству метрополитена с просьбой разрешить размещение плакатов на его территории (где их могло бы увидеть наибольшее количество избирателей), но получил отказ.

Закон требовал, чтобы на избирательных участках в день голосования был вывешен информационный материал обо всех кандидатах. При этом оговаривалось, что «в информационных материалах о кандидатах... а также об их предвыборных платформах не должно быть агитационных призывов». Такая нечеткость в формулировке привела к спорам в окружной комиссии. 13 декабря на заседании комиссии ее председатель Суханов поднял вопрос о том, что изготовленные комиссией сводные плакаты не должны находиться на избирательных участках в день голосования, так как они содержат элементы агитации. Часть членов комиссии возражала, утверждая, что в плакате нет агитационных призывов, а изъятие плакатов будет означать невыполнение требований закона — других информационных материалов о кандидатах нет. Обращалось также внимание на то, что многие избиратели принимают решение о том, за кого голосовать, непосредственно на избирательном участке, и без информации о кандидатах им будет трудно сделать осознанный выбор. Но Суханов привел «неотразимый» аргумент: в случае, если плакаты будут висеть в день голосования, у проигравших будет повод обратиться в суд с иском о признании выборов недействительными. В результате за предложение Суханова проголосовали 5 членов комиссии, против — 4, и один воздержался.

Бузин и автор этой книги написали особое мнение, а также заявление в городскую комиссию с просьбой отменить решение окружной. Городская комиссия никакого решения принимать не стала. Член городской комиссии В. Н. Фомин, курировавший ЮАО, ознакомился с плакатом и... усмотрел агитацию не в тех пассажах, на которые ссылался Суханов, а в двух других. В общем, победила перестраховка.

В реальности же все получилось довольно глупо. Одни участковые комиссии выполнили решение окружной и сняли плакаты. Другие заклеили бумагой те части плаката, в которых были выдержки из предвыборных программ (хотя элементы агитации можно было увидеть и в биографических справках). Третьи оставили плакаты висеть в первозданном виде.

Таким образом, если бы кто-нибудь из проигравших кандидатов захотел опспорить результаты выборов из-за сводного плаката, противостоять этому было бы труднее, чем в случае принятия окружной комиссией друго-

го решения: он мог бы сослаться на решение комиссии, в котором плакат фактически был признан агитационным материалом. К счастью, никто такой попытки не сделал.

Подведение итогов голосования

На выборах 1995 г. впервые использовалась Государственная автоматизированная система (ГАС) «Выборы». Протоколы участковых комиссий доставлялись в территориальные комиссии, и системные администраторы вводили данные этих протоколов в компьютеры, соединенные в сеть ГАС «Выборы». По сети эти данные передавались на компьютеры окружной, городской комиссии и Центризбиркома.

В течение ночи после дня голосования системный администратор окружной комиссии периодически (примерно раз в час) выводил на печать данные о результатах голосования, поступивших по компьютерной сети. В принципе, соотношение голосов за различных кандидатов перестало меняться уже после того, как были введены данные небольшого числа участковых комиссий. К утру в окружной комиссии уже были известны предварительные результаты голосования по одномандатному округу.

Данные, полученные через систему ГАС «Выборы», юридической силы не имели. Как и прежде, члены территориальных комиссий должны были просуммировать данные протоколов участковых комиссий и составить свой протокол и сводную таблицу. Затем эти протоколы и сводные таблицы (вместе с протоколами участковых комиссий) привозили в окружную комиссию.

Протоколы территориальных комиссий поступали в окружную комиссию Чертановского округа №204 в течение дня. Просуммировать данные 16 протоколов (8 по федеральному и 8 по одномандатному округу) не представляло большой сложности. Не удивительно, что результаты подсчета совпали с результатами, полученными по компьютерной сети.

Вечером 18 декабря члены окружной комиссии вновь собрались вместе, чтобы подвести итоги голосования. Протоколы были готовы как по федеральному, так и по одномандатному округу, оставалось лишь их подписать. Председатель комиссии М. Е. Суханов торопился: на следующий день он должен был уехать в командировку.

И тут член окружной комиссии А. Ю. Бузин сказал, что не подпишет протоколы, пока не убедится, что все подсчитано правильно. Естественно, это заявление вызвало негативную реакцию у большинства членов комиссии. Одни возмутились, что им не доверяют. Другие жаждали побыстрее освободиться и были недовольны любой задержкой. А для представителя пре-

фектуры было важно сдать протокол как можно раньше — своеобразное соцсоревнование.

Бузин, поддержанный А. Н. Касаткиным и автором этой книги, стоял на своем. И в конце концов стороны пришли к компромиссу. Было решено предоставить Бузину возможность до утра ознакомиться с протоколами участковых комиссий. А он обещал утром подписать протокол, если не найдет за ночь ошибок.

Бузин попросил меня и Касаткина помочь ему. Но каждый из нас согласился поработать лишь полночи. Я провел в окружной комиссии сутки без сна, поэтому еще целую ночь вряд ли выдержал бы. Мы разделились: первую половину ночи Бузин работал с Касаткиным, вторую — со мной. Перед нами стояла задача — ввести в компьютер (в электронную таблицу) данные протоколов всех участковых комиссий (по два протокола каждой из 195 комиссий). Эту задачу легче было бы решить, если бы нам были предоставлены компьютеры окружной комиссии (их было два). Но комнату, где стояли эти компьютеры, секретарь комиссии заперла и опечатала. Впрочем, Бузин предвидел такой исход и принес с собой взятый у кого-то на время ноутбук.

Ночь пролетела быстро, и ввести данные всех протоколов мы, разумеется, не успели. Но пришедшие утром члены окружной комиссии смогли убедиться, что Бузин был прав. Ошибки были. Так например, в протоколах нескольких участковых комиссий фамилии кандидатов были вписаны не в алфавитном порядке. А системный администратор территориальной комиссии вводил все числа подряд, не сверяя названия строк. А что же территориальная комиссия? Может быть, она тоже вписывала в свою сводную таблицу все подряд? А может быть, вообще ничего сама не суммировала, а доверилась компьютерной распечатке?

В общем, протокол утром 19 декабря не был подписан. Суханов уехал в командировку, а члены окружной комиссии начали помогать нам вводить данные протоколов в компьютеры — теперь уже в компьютеры окружной комиссии. Но работать пришлось уже не только окружной комиссии: территориальные комиссии, у которых были найдены ошибки, должны были исправить свои протоколы. И их системный администратор должен был ввести в ГАС «Выборы» исправления. Некоторые территориальные комиссии оказались не слишком квалифицированные: им пришлось несколько раз переделывать свой протокол, пока он не удовлетворил окружную комиссию.

На все это ушло еще два дня. Наконец, 21 декабря протокол был подписан. В связи с отсутствием председателя окружная комиссия поручила подписать протоколы и сводные таблицы вместо него заместителю председателя Э. Ф. Цветковой. Она же вместе с секретарем отвезла протоколы в Центризбирком.

Центризбирком принял протоколы с первого раза, и наша комиссия оказалась среди первых сдавших (из московских). Многим окружным

комиссиям пришлось возвращаться и переделывать протоколы. В том числе и окружной комиссии Орехово–Борисовского округа №197, которую член нашей комиссии сотрудник префектуры Т. Е. Цуканова ставила нам в пример — мол, они уже повезли, а вы все еще возитесь.

Кстати, член окружной комиссии №197 В. Л. Столяров впоследствии опубликовал в газете «Известия» статью «В каких деталях прячется дьявол». В ней он отметил, что примерно в каждой пятой участковой комиссии протокол составлялся с грубыми арифметическими ошибками.